

О КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПРИРОДЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Представление о конструктивности (конструируемости) действительности является краеугольным камнем философии радикального конструктивизма, получившей в последние десятилетия широкое распространение в междисциплинарном дискурсе естественных и гуманитарных наук. Как утверждают сторонники данного направления, любое знание конструируется познающим субъектом, а не является отражением некоей объективной действительности. Однако, в отличие от спекулятивной философии субъективного идеализма, радикальный конструктивизм основывает свои выводы на эмпирическом материале, добытом современным естествознанием.

Тезис о конструировании действительности имеет множество

аспектов. Так, помимо сугубо философской интерпретации конструктивизма как современной разновидности скептицизма (Э. фон Глазерсфельд), в литературе рассматривают: конструктивность реальности в детском сознании (Ж.Пиаже); реальность как представление о мире не как он есть, а “как если бы” он был таким (Х.Файхенгер); реальность (знание о реальности) – как продукт особым образом устроенных нетривиальных машин, называемых когнитивными системами (Х.фон Фёрстер); конструируемость окружающей среды живыми организмами (У.Матурана, Ф.Варела); конструируемость “познаваемой” действительности непознаваемым реальным мозгом (Г.Рот), конструируемость социальной действительности (Н.Луманн, Г.Руш, З.Шмидт и др.). Среди концепций, составляющих собой здание конструктивистского дискурса, видное место занимает учение Пола Ватцлавика – психолога из Пало-Альто (Калифорния) – о конструировании так называемой действительности второго порядка, по-другому называемой им идеологическими системами.

Идеологическими системами Ватцлавик считает любые учения, теории, концепции, культурологические дискурсы, претендующие на объяснение порядка мироздания, т.е. носящие онтологический характер. В данном аспекте акцент делается не на политическом или социальном значении идеологий, а на той роли, которую они играют в эпистемологии вообще. Любая идеологическая система претендует на полноту объяснения, на своего рода всезнайство, в противном случае она не могла бы выполнять свои основные социальные функции – с одной стороны, обеспечивать членов общества каким-то минимумом мировоззренческих истин (что является неотъемлемой потребностью любого мыслящего существа), а с другой стороны, на базе этих истин консолидировать групповое сознание, приводить разрозненные индивидуальные представления о реальности к единому мировоззренческому знаменателю, обеспечивая тем самым взаимопонимание и слаженность действий внутри данной идеологической группы.

Такого рода “всезнайство” достигается благодаря логической замкнутости любой идеологической системы. Каким бы разветвленным и запутанным ни казался ее объяснительный аппарат, в конечном итоге оказывается, что факт (догма) А доказывается существованием факта (догмы) Б, а факт Б – существованием факта А. Самый простейший пример: Бог есть, так как об этом написано в Библии, а Библия всегда говорит истину, так как она дана человеку Богом. Не выходя за рамки подобного замкнутого цикла объяснить можно все, что угодно. Необъяснимым остается лишь основополагающий постулат, догма. “Если некое объяснение мироздания, например, в лице идеологии, утверждает о своей возможности объяснить буквально все, то необъяснимым остается лишь одно, а именно – сама объяснительная система” [Watzlawick 1997, S.202]. Заметим, что приверженцы той или иной идеологии от этого не страдают, поскольку феномен объяснения объяснения (“объяснения в квадрате”) сродни феномену слепого пятна в нашем зрительном поле, т.е. в повседневной жизни мы его просто не замечаем. В случае, если вдруг мы все же обнаруживаем дефицит такого объяснения объяснения (как при помощи специального эксперимента обнаруживаем эффект слепого пятна), то в силу вступают такого рода доводы, как высказывание Тертуллиана. “Credo, quia absurdum est” (лат. “Верую, ибо шелепо”), или сентенция Гегеля “тем хуже для действительности” (данное выражение приписывают многим мыслителям, однако, поскольку здесь речь идет о Ватцлавике, я привожу это высказывание согласно его тексту: “Если факты не согласуются с теорией – тем хуже для фактов”, - как сказал бы Гегель [Watzlawick 1997, S.94]).

Доказать истинность идеологической системы, не выходя за ее пределы, т.е. не привлекая доводы (постулаты, догмы) извне, невозможно. Однако это вовсе не означает, что истинность одной (меньшей) идеологической системы может быть окончательно доказана в рамках другой (большей) объяснительной системы. В конечном счете, мы упираемся в необходимость доказывать

истинность внешней системы, что невозможно сделать, не выходя, в свою очередь, также и за ее пределы. Данный феномен хорошо известен в философии науки под названием парадокса Рассела. В строгой форме такого рода замкнутость объяснительных систем проанализирована (доказана) К. Гёделем в отношении формальных систем с арифметическими свойствами. “Отныне для нас со всей научной очевидностью, которая присуща математике, прежде всего, благодаря хорошо известным эпохальным работам Гёделя (1931) о формально неразрешимых предложениях, является доказанным тот факт, что ни одна система, чья сложность соответствует по крайней мере сложности арифметики, никоим образом в своей логической закрытости и последовательности не может быть выведена сама из себя (т.е. без рекурсивного обращения к недоказуемым в ее пределах теоремам, принадлежащим некоей более общей системе)” [Watzlawick 1997, S.176]. Фактически, в этом заключается конструктивность любой формальной системы, любого объяснительного аппарата, любой идеологии. Коль скоро мы не в состоянии доказать, логически опереться на некую конечную инстанцию, расположенную где-то извне, во внешней объективной действительности, по ту сторону нашего человеческого мышления, то нам остается признать мнимость любых идеологических систем (к которым, в том числе, относится и наука), их принципиальную плюралистичность, относительность, их конструктивность, или по-другому, конструируемость наблюдателем.

Такая позиция помогает разобраться в положении вещей, складывающихся при возникновении конфликтных ситуаций в области коммуникационной действительности. Одним из ярких примеров такого рода ситуаций служат конфликты между разными идеологическими утопиями, систематически случающиеся на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Мирному разрешению конфликтов зачастую мешает убежденность каждой из сторон в истинности (реальности) своей идеологии и ложности (иллюзорности, субъективности) идеологии противника. Сложность таких ситуаций заключается в том, что такого рода споры происходят на уровне действительности

второго порядка, где, согласно Ватцлавику, в принципе не может существовать никаких объективных, научно верифицируемых истин:

“Если в области действительности первого порядка имеет смысл в случае расхождения мнений попытаться установить, чье мнение относительно того или иного факта является верным, а чье – неверным, то в области действительности второго порядка спорить о научно устанавливаемой “истине” или привлекать таковую для разрешения конфликта просто бессмысленно. Приведу лишь один из многочисленных примеров: в конфликте между арабскими государствами и Израилем не существует никаких “научных”, “объективных” решений, точно так же, как их не существует в конфликте между двумя общающимися индивидуумами. Общение не принадлежит к области реальности первого порядка, чья “истинная” природа может быть как-то установлена. Оно является чистой конструкцией общающихся сторон и как таковая отвергает любую объективную верификацию” [Watzlawick 1997, S.225].

Аналогичным образом возникают конфликты не только между идеологическими системами, но и по линии индивидуум - общество и индивидуум - индивидуум. По мнению Ватцлавика, в основе коммуникационных конфликтов и нашего неумения с ними справиться лежит смещение в процессе общения “действительности” с “представлением о действительности”. Такое положение вещей приводит к тому, что две (или более) вступающие в коммуникацию стороны, вместо того, чтобы попытаться найти общий знаменатель в отношении сформированной у каждой из сторон картины действительности, отстаивают каждая свою точку зрения, считая именно ее верной, т.е., соответствующей действительности, противоположную же – неверной, как не соответствующую объективной действительности. Понятие объективной действительности, некоей референтной “нормы” играет в такого рода конфликтных ситуациях роль катализатора, усиливающего степень разногласия сторон. Иногда такое несоответствие принимает крайние формы и в том случае, когда представление о реальности одного человека

по той или иной причине существенно разнится с коллективной картиной мира большинства, его объявляют душевно больным, не способным адекватно воспринимать “действительную” действительность, забывая о том, что, по существу, речь идет “всего лишь” о картине действительности. “Кто страдает душевным расстройством, страдает не столько от “действительной” действительности, сколько от собственной картины действительности. Но эта картина и является для него действительностью...” [Watzlawick 1997, S.170]. Таким образом, Ватцлавик призывает не смешивать “действительность” и “представление о действительности” ввиду бессмысленности, мнимости первого понятия (или по-другому, их фактической тождественности), оперирование которым (в социологии, идеологии, психологии и психиатрии) способно лишь запутать конфликтную ситуацию. “...Вера в то, что чей-то взгляд на действительность и есть сама эта единственным образом возможная действительность, представляет собой самое опасное из всех заблуждений. Однако оно обретает еще более опасные черты, когда становится миссионерской целью – во что бы то ни стало просветить остальной мир, независимо от того, хочет ли этот остальной мир быть просвещенным или нет” [Watzlawick, 1977].

Литература

1. Gödel K. (1931) Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme. I. Monatshefte für Mathematik und Physik, 38.
2. Watzlawick P. (1977) How Real is Real? Vintage Books, N.Y.
3. Watzlawick P. (1997) Münchhausens Zopf. Piper Verlag, München, 3. Aufl.